

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

7/2015

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- П.В. Лизунов** — Становление института биржевых маклеров в России в XVIII — начале XIX в. 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- М.К. Чиняков** — Огюст-Фредерик-Луи Вьес де Мармон ... 17

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- С.А. Нефёдов** — Как готовили революцию 1905 г. 41

СООБЩЕНИЯ

- З.Р. Сабирова** — «Континентальный плацдарм» 56

- С.Ю. Краснов** — Наследование имущества в обычно-правовых представлениях донских казаков во второй половине XIX в. 68

- Д.В. Тимофеев** — «Свобода» и «рабство» в крестьянских прошениях первой четверти XIX в. 79

- С.А. Агуреев** — Экспедиции ИРГО в Эфиопию на рубеже XIX—XX вв. 91

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- В.Б. Аксёнов** — Рабочие выступления весны-лета 1914 г. в контексте теории революционной ситуации 109

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- Т.Л. Лабутина** — Британский посланник Роберт Кейт и Екатерина II о перевороте 1762 г. 123

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- Ю.И. Дин** — Несостоявшаяся депортация корейцев Сахалинской области в 1952 г. 136

- С.Р. Мамедов** — Информационное сотрудничество Азербайджана с Россией 142

- С.В. Пашков** — Отношение норманиста М.П. Погодина к трудам антинорманистов 147

- А.Н. Птицын** — Эмиграция сербов, хорватов и словенцев в Россию в XIX — начале XX в. 156

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- А.Р. Павлушков** — Судьба вице-президента Синода Г. Дашкова 162

ИСТОРИОГРАФИЯ

- А.Н. Белков** — Официальная периодика Русского Охранного Корпуса 169

- С.С. Акимов** — ARS. Исследования нижегородских искусствоведов. Сборник научных статей 172

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке
Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям.

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Рабочие выступления весны-лета 1914 г. в контексте теории революционной ситуации

В.Б. Аксёнов

На протяжении всей истории изучения революционного движения в историографии сохраняет свою актуальность вопрос об измерении степени недовольства низов. В отечественной исторической науке подобные исследования проходили в рамках марксистской теории, предполагавшей гегемонию пролетариата в деле революционной борьбы. С подъема рабочего забастовочного движения 1912 г. социал-демократы начали пристально следить за динамикой протестной активности, пытаясь делать прогнозы относительно вероятности очередной революции. В начале 1913 г. В.И. Ленин, анализируя стачечную борьбу предшествовавшего года, писал о «массовой революционной стачке», констатируя начало новой стадии революционной борьбы, а в статье «Маевка революционного пролетариата» назвал митинги и шествия 1 мая 1913 г. «открытой демонстрацией революционных стремлений»¹. Именно в этой работе Ленин впервые подошел к определению подхваченной впоследствии в историографии концепции «революционной ситуации», употребляя поначалу другие термины — «непосредственный революционный кризис» и «революционное состояние». Главным признаком революционной ситуации он назвал рост революционного стачечного движения пролетариата, «раскачивающего» крестьянство и армию. В 1915 г. в работе «Крах II Интернационала» появилось классическое определение революционной ситуации, выраженной тремя объективными признаками (кризис верхов; обострение выше обычного нужды и бедствий угнетенного класса; значительное повышение активности масс) и одним субъективным (способность революционного класса к массовым революционным действиям)². Совокупность всех четырех признаков, по мысли Ленина, должна была приводить к революции.

Вместе с тем, данные признаки носят слишком общий характер для того, чтобы считать их критериями определения революционной ситуации. Например, при более глубоком изучении темы возникает вопрос о роли буржуазии в период революционного кризиса, насколько оправданно ее отнесение в модели революционной ситуации к «верхам». Данная проблема была поднята в дискуссии вокруг теории «двух заговоров» — царизма (недопущение революции посредством выхода из войны путем заключения сепаратного мира) и буржуазии (осуществление дворцового переворота как спасение от революции) — позволявшей противопоставлять их интересы интересам народных масс. Вместе с тем, в ряде работ отмечалось, что подобная схема упрощает проблему, не учитывая политическую неоднородность как буржуазных, так и великокняжеских кругов³. Если Б. Граве рассматривала убийство Распутина в декабре 1916 г. как первый акт готовившегося дворцового переворота, то в ряде работ более позднего периода оно преподносилось в качестве попытки спасения, прежде

Аксёнов Владислав Бэнович — кандидат исторических наук, доцент МГТУ МИРЭА.

всего, самой царской семьи, а также отмечалась неспособность буржуазии взять власть в свои руки⁴. Критикуя отождествление буржуазии с царизмом, А.Я. Аврех отмечал, что Ленин под «верхами» имел в виду класс господствующий политически, в то время как до февраля 1917 г. у российской буржуазии подобного статуса не было, на основании чего историк предлагал разделять понятие «верхи» в узком (непосредственно правящий слой) и широком (правящий класс) смыслах и, говоря о складывавшейся революционной ситуации, предпочитал не относиться к верхам буржуазию накануне второй российской революции⁵.

Не меньшие трудности возникают при определении «низов» — например, с классовой принадлежностью «рабочей аристократии», представители которой явно не выказывали сочувствия революционным лозунгам, вследствие чего были названы Лениным «агентами буржуазии». Также не могут являться верифицируемыми критериями количественные показатели ленинского определения революционной ситуации в виде фраз «выше обычного» или «значительное повышение». Историческая наука не знает метрологического выражения того предела, после пересечения которого социальный протест выливается в революционные формы, кроме того, очевидно, что понятие нормы — относительно и изменчиво во времени.

Более-менее определяющим признаком ленинской теории революционной ситуации оказывается третий объективный критерий — повышение активности масс — который может быть измерен с помощью данных о численности рабочих забастовок и соотношении экономических и политических стачек. Вместе с тем, Ленин, отталкиваясь от имевшихся в его распоряжении данных о семнадцатикратном росте протестной активности рабочих в 1912 г. по сравнению с 1910 г., а также превосходящем количестве политических забастовок над экономическими, в резолюции Краковского совещания ЦК РСДРП, проходившего с 26 декабря 1912 г. по 1 января 1913 г., преждевременно констатировал начало революции в России: «Россия снова вступила в полосу открытой революционной борьбы масс. Новая революция, начало которой мы переживаем, является неизбежным результатом банкротства третьейинюньской политики царизма»⁶. Вероятно, именно эта фраза, в которой Ленин выдал желаемое за действительное, заставила его в будущем делать более осторожные прогнозы. Так, в 1915 г., признавая складывающуюся революционную ситуацию в 1914—1915 гг., Ленин задавался вопросом: «Долго ли продержится и насколько еще обострится эта ситуация? Приведет ли она к революции? Этого мы не знаем, и никто не может знать этого. Это покажет только опыт развития революционных настроений и перехода к революционным действиям передового класса, пролетариата»⁷. В дальнейшем неутешительные оценки сроков начала революции в России только усиливались. Так, в январе 1917 г., когда в Петрограде уже разгоралась волна забастовок, приведшая в итоге к февральской революции, Ленин, выступая в Цюрихе перед представителями социалистической молодежи в очередную годовщину «кровавого воскресенья», позволил себе пессимистический прогноз: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции. Но я могу, думается мне, высказать с большой уверенностью надежду, что молодежь, которая работает так прекрасно в социалистическом движении Швейцарии и всего мира, что она будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции»⁸.

Помимо ошибочного констатирования начала революции в России в 1913 г. Ленин допускал противоречия и в оценках развития революционного движения в Европе. Так, в июне 1915 г. он заявлял о том, что «революционная ситуация в большинстве передовых стран и великих держав Европы — налицо», а в июле 1916 г., отмечая распространение шовинизма в рабочем движении Европы, писал, что «кризис империализма был далек еще от высшей точки своего развития»⁹.

Вместе с тем, если ленинская оценка роста рабочего движения 1912 г. как начинавшейся революции была явным преувеличением, то события весны-лета 1914 г. более соответствовали подобным выводам. Пристально следя за количественными показателями рабочего протеста, Ленин не мог не заметить его колоссального роста. Согласно статистическим отчетам Петроградского общества заводчиков и фабрикантов, в то время, как в столице за весь 1913 г. произошло 624 забастовки, причем из них политическими было 59%, только за июнь-июль 1914 г. в Петербурге было зафиксировано 337 забастовок и уже 81% из них относился к политическим¹⁰. Конечно, метод классификации стачек на экономические и политические вызывает определенный скепсис, так

как достаточно было на экономической забастовке определенной группе лиц выдвинуть одно политическое требование, как она тут же приобретала политический характер, однако сам факт резкого учащения рабочих акций протеста в июльские дни заставляет обратить на него внимание. За весь 1913 г. количество потерянных рабочих дней составляло 3 868 257, в то время как в 1914 г. (фактически за первые полгода, так как число забастовок после начала войны резко сократилось) — 5 755 072. Примечательно, что количество потерянных рабочих дней за революционный 1917 г. было «всего» 3 822 656¹¹. В итоге Ленин, одновременно с проходившими рабочими забастовками приступивший к работе над так и не опубликованной статьей «Революция и война», согласно сохранившемуся плану, начал ее с параллели между июльскими 1914 г. и январскими 1905 г. событиями. В 1915 г. Ленин написал статью «Социализм и война», но от прогнозов, по понятным причинам, воздержался¹².

Одним из препятствий на пути возможного перерастания рабочих забастовок в открытое вооруженное революционное восстание стало объявление 19 июля Германией войны России. Еще современники событий, констатировавшие в начале июля наличие революционной ситуации, были разочарованы сменой вектора манифестаций в связи с началом мировой войны и в частной корреспонденции высказывали предположения о том, что Николай II специально развязал войну с Германией, чтобы подавить в стране революцию: «Русскому царю надо было подавить приближающуюся вторую революцию и нашлись интеллигенты, которые объединяются с царем против родного народа, опьяняя себя словами: славянство, родина...»¹³. В результате в историографии появилась концепция «отложенной революции», которую одним из первых сформулировал М.Г. Флеер в 1926 г.: «Как и в 1905 г., июльское 1914 года движение носило очень бурный характер, сопровождалось вооруженными столкновениями рабочих с полицией, баррикадами, и непосредственный переход забастовок к вооруженному восстанию был естественен и неизбежен. Движение достигло наивысшего напряжения, удар, занесенный над самодержавием, должен был привести к решительному концу. 19 июля 1914 года была объявлена всеобщая мобилизация, и удар этот был отсрочен, потому что та сила, которая должна была нанести его, не могла ни расплыться, ни исчезнуть»¹⁴. Вместе с тем, очевидно, что о «наивысшем напряжении» в июле 1914 г. можно говорить лишь относительно предшествующего времени, вопрос же о том, как долго оно могло нарастать в дальнейшем и когда могло бы вылиться в открытую социальную революцию, остается открытым, ввиду начавшейся мировой войны.

Кроме того, Флеер ошибся, когда главную роль в отступлении революции отвел объявлению войны. В действительности резкий спад забастовочного движения произошел за неделю до начала войны и за пять дней до мобилизации — 12 июля фабриканты отказались от локаута, и большинство рабочих вернулось в свои цеха. Вероятность массовых расчетов, наподобие локаута 20 марта 1914 г., когда за один день было уволено более 70 тыс. бастовавших рабочих, пугала представителей пролетариата. Фактически не начало войны положило конец июльскому рабочему движению, оно само продемонстрировало низкую степень политической, антисамодержавной направленности, пойдя на компромисс с буржуазией. Кроме того, события июля-августа 1917 г. выявили недостаточную, с точки зрения марксистско-ленинской теории, классовую сознательность рабочих, проникнувшихся патриотической идеологией и принявших участие в проправительственных манифестациях средних городских слоев в связи с началом войны.

Таким образом, в теории революционной ситуации выявляется противоречие, когда она сталкивается с конкретно-фактическим материалом: подъем забастовочного движения в мае-июле 1914 г. выше уровня января 1905 г. и, по отдельным показателям, выше января-февраля 1917 г., не приводит к революции и, согласно логике ленинской теории, свидетельствует о недостаточной степени революционизации рабочего класса. Тем самым единственные верифицируемые количественные показатели в теории революционной ситуации растворяются в субъективных оценках «способности революционного класса на революционные массовые действия» и вызывают новые вопросы, в частности, каким образом пролетариат, проявивший революционную способность в 1905 г., получивший необходимый практический опыт, утратил все это в 1914 году.

Попытка некоторого завуалирования противоречий ленинской теории была предпринята в 1960-х гг. А.Я. Аврехом, писавшим о двух типах революционной ситуации — общей и неопосредственной¹⁵. Аврех признавал, что сам Ленин об общей и непосредственно-революционной ситуации не упоминал, однако

предпринял попытку отождествления употребленного им в статье «Крах II интернационала» термина «объективная революционная ситуация» с понятием «общая революционная ситуация», чем допустил определенную натяжку, так как, если общая ситуация противопоставляется частной, то есть непосредственной, то объективную ситуацию следует противопоставлять субъективной. В то же время Ленин употреблял понятие не «субъективная революционная ситуация», а «субъективный признак революционной ситуации», тем самым Аврех предпринял отождествление частного признака явления с самим явлением, что представляется неверным. Кроме того, данная концепция, смещающая акценты с частных признаков на общую характеристику, по-прежнему не решает отмеченные проблемы верификации.

Вместе с тем, примечательно то, что Аврех не являлся автором гипотезы о двух типах революционной ситуации. Историк ссылаясь на тезисы XIV партконференции РКП (б), прошедшей в апреле 1925 г., по понятным причинам не называя фамилии докладчика, разработавшего данную концепцию, — Г.Е. Зиновьева — до реабилитации которого в момент выхода статьи Авреха оставалось еще 22 года. «Я думаю, что надо различать три вещи, — говорил Зиновьев на партконференции. — 1) революционную ситуацию вообще, 2) непосредственно-революционную ситуацию и 3) прямую революцию». Однако Зиновьев разработал и озвучил данную концепцию, исходя из прагматичных задач партии и возглавляемого им Коминтерна: необходимо было примирить тезис о социально-экономической стабилизации середины 1920-х гг. в Европе и СССР с курсом на мировую революцию и выработать соответствующую стратегию. Так, Зиновьев заявлял: «Надо признать, что в такой стране, как Германия, которая в 1923 г. стояла в центре событий, непосредственно-революционной ситуации нет, но общая революционная ситуация, общая, как и во всей Европе, несомненно, осталась; она обостряется в мировом масштабе медленно, но неуклонно — через Восток, через колониальный вопрос, через Юго-Восток. Это нужно учитывать и не терять революционной перспективы»¹⁶.

Применительно к рассматриваемому нами периоду, следует отметить, что на основании выступления Зиновьева партконференция постановила время с 1908 по 1915 г. включительно считать общей революционной ситуацией, а 1916 г. — непосредственной. Открытое выступление Зиновьева против Сталина на XIV съезде ВКП (б) и последующий разгром «ленинградской оппозиции» предопределил дальнейшую судьбу как самого автора, так и его концепции, изъятая из официальной истории (что, в частности, видно по отредактированному самим Сталиным «Краткому курсу Истории ВКП (б)»), пока она не была реанимирована Аврехом в 1960-е годы. Вместе с тем, слабость концепции двух революционных ситуаций состоит в том, что, по сути, любой период, в котором обнаруживается хоть какая-нибудь степень недовольства низов, можно подогнать под определение общей революционной ситуации. Повторяя вслед за Зиновьевым тезис о том, что общая революционная ситуация способна сохраняться даже в период реакции, Аврех заявлял, что все начало XX в. в России вплоть до 1916 г. являлось одной сплошной общей революционной ситуацией (исключая лишь период 1905—1907 гг. — период «прямой революции»), что представляется упрощением проблемы и попыткой уклонения от разрешения внутренних противоречий ленинской теории¹⁷.

Неопределенность употреблявшихся Лениным терминов спровоцировала возникновение дискуссии по вопросу соотношения таких понятий, как «революционная ситуация» и «общенациональный кризис», что в итоге привело к отказу от рассмотрения июльских событий 1914 г. в качестве революционной ситуации в пользу 1915 и даже конца 1916 года¹⁸, а протест лета 1914 г. стал называться всего лишь «грандиозной забастовкой»¹⁹. В 1998 г. С.В. Тютюкин высказался более определенно: «Было бы преувеличением считать, что в канун войны, летом 1914 г., Россия вновь стояла на пороге революции»²⁰. По большому счету, этот вывод лишь констатировал неспособность решения данного вопроса в рамках господствовавшей теории.

Учитывая отмеченную выше низкую степень антимонархических настроений рабочих, не позволившую перевести стачечную борьбу в русло революции и приведшую рабочих к заключению договора с фабрикантами 12 июля, не удивительно, что начало войны ознаменовалось новой трансформацией массового сознания пролетариата — проникновением в него патриотических настроений. На первом этапе становления историографии рабочего вопроса авторы не спешили признавать успех патриотической пропаганды среди пролетариата. В

статье «Социализм и война» Ленин писал, что «единственным классом в России, которому не удалось привить заразы шовинизма, является пролетариат», делая оговорку, что исключением была лишь незначительная часть «самых темных слоев рабочих»²¹. Развивая ленинский тезис, М.Г. Флеер пытался доказать, ссылаясь на воспоминания А.Г. Шляпникова, антивоенный настрой большинства рабочих в июльские дни²².

В это же время Б. Граве отрицала патриотические настроения пролетариата в период мобилизации, отмечала попытки организации антивоенных митингов в Петербурге и Москве, однако, в отличие от Флеера, она не считала, что война сорвала революцию. Обращая внимание на тот факт, что массовые рабочие забастовки закончились за несколько дней до начала мобилизации, Граве объясняла это сознательной тактикой большевиков, считая, что Петербургский комитет РСДРП (б) целенаправленно ликвидировал стачку, понимая, что момент для вооруженного восстания еще не наступил («слишком мало сплочены рабочие массы, слишком слаба организационно партийная организация, вооружения нет»²³). Тем самым Граве выводила пролетариат из-под обвинения в патриотизме, объясняя прекращение забастовочного движения не стихийным распространением «шовинистической заразы», а сознательным ходом партии. Тем не менее, Граве, повторяя слова Ленина о руководящей роли большевиков, явно переоценила степень их идейно-тактической консолидации: фактический материал не позволяет считать тезис о неподготовленности к вооруженному восстанию распространенным в их среде, так как в действительности даже 22 июля в Петербурге появлялись большевистские прокламации, призывавшие рабочих к вооруженному восстанию и свержению Николая II²⁴. Таким образом, едва ли можно согласиться с мнением о тактическом характере прекращения рабочих забастовок 12 июля.

Одновременно с отрицанием патриотических чувств в рабочей среде Флеером и Граве звучали признания обратного. И. Меницкий характеризовал настроения московских рабочих на начальном этапе войны следующим образом: «Монархистам совместно с кадетами удалось на первых порах отравить ядом шовинизма значительную часть рабочего класса, не говоря уже о мелкобуржуазном мещанстве, которое с восторгом встречало всякую ура-патриотическую манифестацию, состоящую из шпигов, проституток и воров»²⁵. Эта концепция сохранялась и в 1970-х гг., в частности, в работах И.П. Лейберова, считавшего, вслед за Меницким, что «шовинистический угар ослабил революционную энергию пролетариата»²⁶. Однако, если в 1920-е гг. преобладала теория «молчания рабочего класса как антивоенного протеста», и историки по крупницам собирали информацию об антивоенных митингах рабочих в первые месяцы войны, пытаясь доказать сохранение классово сознательности²⁷, то впоследствии Ю.И. Кирьянов писал о сильно преувеличенной в историографии роли антивоенных стачек, а беспорядки в период мобилизации охарактеризовал как стихийные пьяные бунты²⁸. При этом Тютюкин отмечал, что летом-осенью 1914 г. «отношение пролетариата и различных социалистических течений к войне еще только выкристаллизовывается из хаоса противоречивых мнений», оправдывая рабочих, подавшихся патриотической пропаганде, тем, что и среди большевиков имели место колебания и споры. Историографические парадоксы вынесения оценок июльским демонстрациям по шкале «антивоенные-патриотические» хорошо видны на следующем примере. Так, если Тютюкин в 1972 г. писал, что в июле 1914 г. под руководством большевиков «забастовки и демонстрации протеста против войны прошли в Петербурге, Риге, Москве, Твери, Киеве, Самаре и некоторых других городах», то Кирьянов в 1998 г. пересмотрел эту позицию: «С момента объявления первой мобилизации 16—17 июля и до конца 1914 г. в России не было ни одной антивоенной стачки», упоминая лишь о попытках организации трех антивоенных демонстраций в Петербурге 19 июля²⁹. Хотя Тютюкин также согласен с преувеличением антивоенных настроений рабочих в советской историографии, он, вместе с тем, остается верен теории «молчаливого протеста», противопоставляя настроения в рабочей среде настроениям представителей прочих социальных групп: «Угрюмое молчание народа красноречиво контрастировало с патриотической эйфорией, охватившей господствующие классы, часть интеллигенции, студенчества, городского мещанства, казачества»³⁰.

Одно из противоречий советской модели рабочего протеста лета 1914 г. в историографии обнаруживается в том, что, несмотря на явно исключительный характер событий, сопоставимый с 1905 г., ему так и не нашлось должного

определения в исторической науке, во многом по причине узкой трактовки революционной ситуации в марксистско-ленинской теории и повышенной требовательности к классовой сознательности пролетариата. Сам Ленин был склонен к преувеличению политической грамотности и интуиции рабочих. Показателен случай, когда большевики, планируя организовать 4 апреля демонстрацию в знак протеста против локаута 20 марта 1914 г. и в память о Ленском расстреле, но не решаясь в «Пути Правды» прибегнуть к прямому призыву рабочих выйти на улицы, решили использовать туманный намек, сославшись на решение марксистов от февраля 1913 г.: «Сознательные рабочие очень хорошо знают и некоторые конкретные формы повышения (рабочего движения. — В.А.), исторически неоднократно испытанные и “непонятные”, “чуждые” только ликвидаторам»³¹. По мысли Ленина, эта фраза, даже не содержащая скрытого призыва в форме повелительного наклонения, а всего лишь констатирующая некое знание, должна была воскресить в памяти рабочих опубликованную более года назад нелегальную резолюцию, в которой писалось о формах революционной борьбы и, на основании этого, вывести рабочих на улицы города. «Русская полиция и прокуроры не поняли намека. Но сознательные рабочие поняли его», — писал Ленин в июне 1914 года. Демонстрация, действительно, состоялась, но более значимую роль в деле агитации рабочих сыграла не опубликованная заметка с сильно завуалированным намеком, а распространённые Санкт-Петербургским комитетом РСДРП (б) в рабочей среде листовки, содержащие открытый призыв к выходу на демонстрацию. Тогда же Ленин поспешил провозгласить победу большевиков в борьбе за умы пролетариев: «Рабочая масса встала на сторону партии (большевиков. — В.А.) и отвергла ликвидаторство»³².

Вместе с тем, сам тезис о высокой степени политизированности рабочего движения неоднозначен. Кирьянов указывает на известные методологические сложности разграничения экономических и политических стачек, отмечает искусственную политизацию рабочего стачечного движения в советской историографии, «подтягивание» экономических забастовок до уровня политических, игнорирование стихийных погромов как формы борьбы и, кроме того, наличие стачек, не поддающихся однозначному определению в качестве экономических или политических (например, направленных против конкретных представителей администрации)³³. Все это заставляет критически воспринимать известную статистику рабочего движения, тем более, что зачастую именно стихийно вспыхнувшие акции протеста приводили к наиболее ожесточенным столкновениям с властями.

Говоря о массовости демонстрации 4 апреля 1914 г. в Петербурге, необходимо учитывать также и тот факт, что из-за аварии в ночь с 3 на 4 апреля на электростанции в Петербурге остановилась почти половина трамваев, вследствие чего городским обывателям пришлось добираться до работы самостоятельно, вынужденно пополняя численность вышедших на улицу манифестантов. Также стоит отметить зависимость проведения городских демонстраций от погодных факторов. После протестных акций 4 апреля на повестку встало проведение первомайской общегородской демонстрации на Невском проспекте и ряда районных демонстраций на окраинах, но если 1 мая на фабриках и заводах рабочие смогли отметить праздник, то городские манифестации провалились из-за дождя, шедшего с ночи до полудня. Незначительная часть «сознательных рабочих» вечером все же выбралась в город, где у них произошло столкновение с полицией, в котором сложно обнаружить революционный мотив. Около 7 час. вечера на углу Большого Сампсониевского проспекта под трамвай попала пятилетняя дочь столяра. Хотя девочка осталась жива, прибывшим чинам полиции не удалось самостоятельно извлечь ее из-под трамвая, в результате чего было принято решение дожидаться техпомощи с домкратами. Тем временем, на проспекте собралась толпа, в которой было много пьяных рабочих по случаю празднования 1 мая, которые в произошедшем обвинили полицию и принялись забрасывать ее камнями. Когда прибыл поезд с домкратом, рабочие забросали и его, ранив машиниста. Для прекращения беспорядков были вызваны отряды конной полиции, которые разогнали рабочих. 10 человек были арестованы³⁴.

Тем не менее, относительно протестной активности начала июля 1914 г. есть ряд источников, позволяющих рассматривать ее в качестве объективного проявления социально-политического кризиса. Важно иметь в виду настроения за пределами пролетарской среды, ведь июльские беспорядки сказались на повседневной жизни городских обывателей. В Петербурге возводились баррикады, опрокидывались телеграфные столбы, переворачивались телеги и трам-

важные вагоны, опутывая их проволокой, рабочие вступали в вооруженное противостояние с полицией и казаками. 7 июля баррикады из восьми опрокинутых вагонов конки возникли на Безбородкинском проспекте, а шестизэтажный дом по соседству превратился в своеобразную крепость, из которой протестующие вели прицельный обстрел полиции, срывая всяческие попытки штурма здания. Восьмого числа в городе частично прекратилось трамвайное движение, пошли массовые погромы магазинов, ресторанов, не прекращавшиеся даже по ночам³⁵. Петербуржец так описывал происходившее в письме от 10 июля 1914 г. своему московскому адресату: «Уведомляю тебя, что у нас на заводе началась забастовка. Сейчас у нас в Петербурге идет забастовка против расстрела Путиловских рабочих, трамвайное движение остановлено ввиду того, что рабочие разбили много вагонов, да и служащие боятся ехать, что теперь делается у нас в Петербурге близко к тому, что у вас было в Москве в 1905 году. Местами строятся баррикады, и идет перестрелка с полицией и казаками. Есть убитые. Одно горе мало оружия. На Выборгской стороне рабочие нападают на полицию и избивают их ихним оружием. Одного околоточного его же шашкой изрубили, что будет дальше не знаем»³⁶.

При этом Москва не сильно отставала от северной столицы: из-за начавшихся демонстраций в городе также почти прекратилось трамвайное движение, статистические данные которого могут являться косвенным свидетельством динамики социального протеста — резкий спад обычного уровня пассажирских перевозок, не вызванный техническими проблемами, обратно пропорционален численности пешеходов, сознательно или нет влияющих на протестную уличную активность. За 8 и 9 июля в Москве трамвайный пассажиропоток, в обычные июльские дни составлявший около 800 тыс. чел. в день, в сумме сократился до 487 047 пассажиров за два дня, то есть снизился более, чем в три раза³⁷. Помимо Петербурга и Москвы протестное движение было поддержано рабочими и студентами Киева, Варшавы, Риги, Баку и других крупных городов Российской империи.

Сравнение с революцией 1905 г. часто встречается в перлюстрированных письмах современников. «Революция стучится в дверь», — написал петербургский рабочий Иван, а варшавский обыватель, отмечая, что столичные события эхом откликнулись и в Польше, с нетерпением ждал будущего, полагая, что «оно принесет нам кое-что...». Даже житель французского Гренобля делился с адресатом в Казанской губернии настроениями в Европе: «Говорят, в России готовятся к революции». Более осторожные в оценках свидетели тех дней предпочитали говорить, если не о революции, то о переходе некоего Рубикона, после которого возврат к прошлому представлялся уже невозможным: «Это не революция, до революции еще далеко, но это грозный симптом. *A lea jacta est* (Жребий брошен. — В.А.)»³⁸.

Таким образом, на возможный характер складывавшейся революционной ситуации указывали: впечатляющий масштаб рабочих забастовок весны-лета 1914 г., задействовавших большое количество рабочих, чем в 1905 г., и поддержанных пролетариатом крупнейших городов империи; начало этапа открытого вооруженного противостояния рабочих с полицией; перетекание борьбы с территорий фабрик и заводов на улицы городов; дезорганизация работы общественного транспорта (изменения привычной повседневности мирного времени); присутствие в массовом сознании обывателей революционных ожиданий, выраженных в сравнениях с революцией 1905 года.

Однако помимо уже отмеченного парадокса в виде быстрой трансформации революционного протеста в патриотические формы после начала войны некоторые современники — как идейные революционеры, так и простые обыватели — еще в начале июля отрицали революционный характер беспорядков на том основании, что вместо ожидаемого политически осознанного революционного поведения рабочих они обнаружили в нем преобладание хулиганских инстинктов. Если переворачивание трамваев с целью постройки баррикад можно было отнести на счет сознательной революционной активности, то начавшаяся волна погромов торговых заведений ей противоречила. Так, например, 7 июля толпа рабочих в количестве около 3 тыс. чел. подошла к ресторану «Выборг» и перебила в нем стекла; ночью 10 июля были разбиты все фонари на Забалканском проспекте; та же толпа громила попадавшиеся на пути магазины, рестораны и пивные³⁹. 11 июля большая толпа рабочих разгромила трактир «Бережки», разбив все оконные рамы, она перешла к расположенному поблизости трактиру «Яр», где также начался разгром. Лишь подоспевшие казаки, пустив в

ход нагайки, прекратили дальнейшее уничтожение тракторов и пивных лавок. Концентрация фактов столкновений рабочих и полиции рядом с местами продажи алкогольной продукции не кажется случайной. В рамках борьбы с подобными формами протестной активности рабочих власти столицы пошли на закрытие всех питейных заведений в городе⁴⁰. Петербуржцы писали в частных письмах накануне войны: «У нас в Петербурге разыгралась даже не забастовка, а прямо хулиганская оргия, которая окончательно вооружила против себя всех благодушных людей»; «В Петербурге — гнусные времена. На три четверти все манифестации хулиганские, а что еще хуже, так это заражение рабочей среды националистическим духом»; «Тебя интересуют наши июльские дни. Разочаруйся, голубчик, они прошли донельзя отвратительно. Вещи идейные нельзя переплести с хулиганскими выходками, а это то последнее в наших июльских днях и преобладало»⁴¹. Наличие в среде бастовавшего пролетариата определенного числа безыдейных рабочих, вносивших в протестные акции анархический элемент хулиганства, во многом объясняет вышеупомянутую зависимость забастовок от стихийных внеполитических факторов, делающих неблагоприятные погодные условия серьезным препятствием на пути запланированной акции протеста.

Вместе с тем, отмеченные парадоксы революционной ситуации легко разрешаются в случае, если мы отказываемся от теории классово-сознательной, рационально-политической детерминированности революции. В конце концов, именно высокие требования к политической сознательности пролетариата не позволили Ленину вовремя распознать в февральских событиях 1917 г. начинающуюся революцию. Дать верную оценку январско-февральским дням ему помешали те же факты, которые имели место и в июле 1914 г. и ввели в заблуждение многих профессиональных революционеров-современников: преобладание стихийных процессов над организованными. Февраль 1917 г. в Петрограде был окрашен в цвета неуправляемого погрома: разгоравшееся в хлебных «хвостах» возмущение обывателей приводило к разгрому лавок, во время которых мука и хлеб уничтожались, разбрасываясь по улице, помимо хлебных и мясных лавок громили ювелирные магазины, а освобождению первых перешедших на сторону восставших солдат-павловцев из Петропавловской крепости предшествовал разгром толпой спиртоочистительного завода на Александровском проспекте.

Революционный энтузиазм, помимо присутствующих политических мотивов, играющих мотивационную роль, имеет и психофизическую природу, связанную с определенными изменениями индивидуального и коллективного сознания, ломающих привычные поведенческие практики обывателей. В.П. Булдаков на материале 1917 г. убедительно показал эту скрытую, психофизиологическую природу революции, имевшую явные признаки психопатологии⁴². В современной историографии революции 1917 г. отмечается разгул преступности под революционными лозунгами, значение тех самых хулиганских форм поведения, стихийно вспыхивавших актов насилия, основанных, порой, на слухах и фобиях, которые не позволяли идейным современникам июльских дней 1914 г. охарактеризовать переживаемый период в качестве революционной ситуации⁴³.

Примечательно, что, если в среде социал-демократов и последующих марксистских историков стихийные акции протеста, выливавшиеся в криминальные формы, не рассматривались в качестве революционных актов, то либеральная научная общественность, наоборот, усматривала в этом истинное лицо революции. На заре формирования социологии и психологии как самостоятельных научных дисциплин начинает развиваться и такое смежное направление, как психология толпы или масс. Изучению особенностей поведения индивидов в толпе и формам активности больших уличных масс посвящали работы Г. Лебон, Г. Тард, Н. Михайловский, Х. Ортега-и-Гассет, З. Фрейд, Э. Дюркгейм и др.⁴⁴, которые, отмечая высокую степень подражательности и превалирование эмоционального восприятия событий над рационально-логическим, констатировали стихийность и иррациональность действий толпы. Если марксистско-ленинская теория рабочего движения кануна войны столкнулась с парадоксом, согласно которому революционный и, следовательно, классово-сознательный энтузиазм испарился с началом мировой войны (нежелание Ленина признать очевидные факты патриотических настроений в рабочей среде, вероятно, являются попыткой избежать логического противоречия), то этот парадокс легко разрешается в рамках социально-психологического подхода, обнаруживающего ряд общих признаков между антиправительственными и проправительственными акциями протеста в июле 1914 года. Теория психологии толпы отмечает функционирование толпы в качестве специфического

социально-психологического организма, которому, в силу преобладания эмоционального восприятия над рассудочно-логическим, свойственно впадать в различные крайности. Вместе с тем, согласно исследованиям социальных психологов, не в любой уличной акции протеста обнаруживается психология толпы. Она формируется в качестве черты массового сознания и, сохраняясь в коллективе некоторое время, определяет формы социального действия. Одним из ее признаков выступает способность разогнанной толпы тут же стихийно собираться в другом месте. Примечательно, что обыватели весной-летом 1914 г. обращали внимание на эту особенность рабочих демонстраций. Так, например, хотя питерским рабочим 1 мая не удалось организовать общегородскую демонстрацию в центре города, полиция фиксировала, что разогнанные в одном месте мелкие манифестации тут же возникали неподалеку. О том же впоследствии сообщалось в полицейских донесениях о беспорядках февраля 1917 года⁴⁵.

Видный немецкий социолог, современник революционных потрясений России Макс Вебер еще в 1906 г. предсказал крах реализации марксистского варианта революции в России, отмечая низкий уровень политической грамотности россиян. Если Ленин в январе 1917 г. утверждал, что 1905 г. «окончательно похоронил патриархальную Россию»⁴⁶, то Вебер, наоборот, подчеркивал амбивалентность русской революции, обеспечивавшей ей быстрый переход в сторону реакции: «Аграрный коммунизм оказывается идеальной почвой, на которой происходит постоянное качание между идеей “творческого акта” “сверху” и “снизу”, между реакционной и революционной романтикой»⁴⁷. Примечательно, что между Вебером и Лениным с 1906 г. тянулась заочная полемика: Вебер назвал подготовленное «группой Ленина» декабрьское вооруженное восстание в Москве 1905 г. «бессмысленным путчем», Ленин впоследствии, в свойственной ему высокомерно-пренебрежительной манере общения с оппонентами, поставил под сомнение профессиональные качества ученого: «В немецкой так называемой “научной” литературе господин профессор Макс Вебер в своей большой работе о политическом развитии России назвал московское восстание “путчем”... Суждение буржуазной “науки” о декабрьском восстании не только нелепо, оно является словесной уверткой представителей трусливой буржуазии, которая видит в пролетариате своего опаснейшего классового врага»⁴⁸.

Отталкиваясь от теории психологии толпы, Вебер разработал теорию социального действия, в котором выделил несколько форм, исходя из возможной мотивации участников: целерациональную; ценностно-рациональную; аффективно-эмоциональную; традиционную. С точки зрения ленинской теории, подлинно революционным действием может быть лишь то, которое укладывается в рамки целерационального, то есть характеризуется высоким уровнем политической сознательности индивидов, однако сам Вебер отмечал условность границ между этими формами, определяемому тем, что мотивация участия индивида в том или ином событии может быть связана как с рационально осознанными целями, так и с неосознанным подражанием на основе эмоционального восприятия событий: «Причина недостаточной четкости границ объясняется в данном, как и в других случаях, тем, что ориентация на поведение других и смысл собственного действия далеко не всегда могут быть однозначно установлены или даже осознаны, а еще реже — осознаны полностью. Уже по одному этому далеко не всегда можно уверенно разграничить простое “влияние” и осмысленную “ориентацию”»⁴⁹. Стихийные формы революционной активности как в 1914, так и в 1917 гг., выразившиеся в аполитичных хулиганских акциях, таким образом, относятся к аффективному типу социального действия.

В революционной ситуации всегда обнаруживается несколько пластов поведения: и сознательно-политический, и эмоционально-аффективный. Имея в виду эту особенность, можно разрешить и следующее противоречие: угасание революционного энтузиазма в июле-августе 1914 года. В действительности, с точки зрения массовой психологии и теории социального действия, принципиальной разницы между революционными демонстрациями начала июля и патриотическими акциями конца июля 1914 г. не было. По форме они соответствовали друг другу. Несмотря на то, что демонстрация в Петербурге 19 июля носила мирный характер, в толпе, помимо патриотических лозунгов, раздавались и революционные. Петербургский студент следующим образом описал толпу во время «патриотического» шествия 19 июля 1914 г.: «Сегодня утром Миша отрывает меня от занятий и зовет на балкон посмотреть, какая надвигается со стороны Лавры большая толпа. Что же я увидел и услышал? Рабочие, запасные и провожающие их поют Марсельезу со словами “Царь вампир пьет

народную кровь...”, которые, ты знаешь, для царя нелестны. Не особенно приятны для него Варшавянка и похоронный марш, которые они пели. При пении похоронного марша офицеры и городовые снимали фуражки. Естественно, я выбежал на улицу и присоединился к густой толпе»⁵⁰.

Помимо осознанно-революционных действий, таких, как пение рабочей Марсельезы, в частной корреспонденции отмечалось и аффективное состояние части горожан. Некая патриотично-настроенная москвичка Варя, собиравшаяся записаться в сестры милосердия, описывала обстановку в Москве 22 июля, противоречившую официальным сообщениям о небывалом патриотическом подъеме российских подданных: «Если бы ты, дорогой Ш., знал, что у нас делается! В городе тоска, — стыдно смотреть, кругом горе, всюду едут, идут с узлами, глаза заплаканные, женщины кричат. Где же подъем, о котором пишут газеты? Везде чувствуется, что войны не хотят. Ты, наверное, читаешь про оживление, про манифестации. Вечером ревет, — жутко становится, — двери запирают. Представь себе толпу без конца из подростков и хулиганов и полицейских. Лица неинтеллигентные, красные носы, нахальные глаза. Кричат, а сами смотрят, кому бы в зубы дать. Сегодня получила письмо из деревни, пишут: кругом один ужас, крики, стоны, рыдания не прекращаются... Я ненавижу войну, но не думаю, как Леля, что идти в сестры на войну значит признавать ее»⁵¹.

В одном из частных писем из Екатеринослава в Москву от 5 августа 1914 г. автор описал типичную картину российского провинциального города периода мобилизации: «За все время мобилизации, шатаюсь по городу, могу сказать, что не видел не только энтузиазма, но даже не встречал просто веселой физиономии. Если бы была возможность опрашивать всю эту разношерстную публику, то наверное мы бы получили курьезнейшие ответы относительно причин войны; полная апатия по отношению к личности и намерениям внешнего врага и очень осмысленное и яро враждебное отношение к внутреннему врагу — в первую очередь к полиции. Полицию всюду встречали камнями и кошачьими концертами. Здесь полицейских сняли с многих постов, дабы не возбуждать запасных. В первый день мобилизации здесь было крупное столкновение со стражниками. Убито было 3 и ранено 3. Дней пять тому назад вышло распоряжение, запрещающее запасным ездить бесплатно на трамваях. Для поддержания порядка поставили городских на каждый трамвай. Запасные взяли штурмом вагоны, повыкидали городских и навели панику на полицию»⁵². Хотя стычки с полицией как представителями власти свидетельствуют о сохранении нерастратченной революционной энергии июля 1914 г., следует иметь в виду, что негативное отношение к полиции не всегда означало такое же отношение к царю и, следовательно, вполне могло причудливо сочетаться с «народным патриотизмом», являться его бытовой, отличной от официальных представлений, формой.

Таким образом, с точки зрения социально-психологической теории, рабочее движение не исчезло, а лишь поменяло политический вектор: насилие в адрес власти перенаправлялось на представителей вражеских держав, классовая ненависть сменялась ксенофобией. При этом сами по себе формы социального протеста, основанного на аффективном насилии, поиске виновных и совершения над ними карательных действий, оставались прежними. Так, 22 июля толпа народа от Невского проспекта направилась к зданию немецкого посольства, разбив по пути окна немецкой газеты «Цайтунг», витрины магазина, сорвав флаги с ресторана «Вена». Германское посольство было разгромлено как снаружи, так и внутри. Кроме того, на месте был убит застигнутый в здании немецкий подданный, переводчик посольства А. Кетнер, в котором массовое сознание «патриотов» тут же опознало шпиона (говорили, что его застали в момент, когда он сжигал какие-то бумаги). Затем толпа, разбив скульптуры атлетов на фасаде здания, в телах которых были опознаны представители германской нации, сорвала германский герб и отправилась топить его в Мойке⁵³.

Периодическая печать сочувственно отнеслась к подобному выражению народного гнева, оправдав действия толпы тем, что люди были возмущены оскорбительными действиями немцев по отношению к вдовствующей императрице Марии Фёдоровне, чей поезд, направлявшийся из Дании в Россию, был задержан в Берлине и отправлен обратно в Копенгаген. Кроме того, газеты упоминали об аналогичных эксцессах, произошедших с русским посольством в Берлине: после отъезда посла С.Н. Свербеева немецкая толпа ворвалась в посольство и разгромила его и православную церковь⁵⁴.

Российская полиция предпочитала не вмешиваться в проявления народного патриотизма, хотя 24 июля градоначальник все же напомнил жителям столи-

цы о действующем еще с 13 июля запрете на проведение митингов, но демонстраций от этого меньше не стало.

В ряде рабочих городов России начавшиеся весной 1914 г. забастовки в той или иной форме продолжались и в период мобилизации. В Баку, где стачки не прекращались с мая 1914 г., после объявления мобилизации протестовавшие силой освободили арестованных рабочих в количестве около 200 чел., был убит полицеймейстер, избиты городовые⁵⁵. А 20 июля в г. Лысьва Пермской губернии рабочая экономическая забастовка, тянувшаяся еще с апреля 1914 г., вылилась в митинг, в котором участвовало до 600 человек. Митинг быстро перерос в массовые беспорядки, во время которых толпа поджигала городские здания, убивала полицейских; отмечалась особенная жестокость толпы: в раны искалеченных вставляли папиросы; известная роль принадлежала женщинам, которые своими криками разжигали ненависть толпы. Были также разгромлены винные лавки. Беспорядки были прекращены только войсками Казанского военного округа. В результате 10 чел. были повешены, более двухсот подвергнуты различным наказаниям⁵⁶.

Однако выступления периода мобилизации хоть и несли на себе отпечаток революционного протеста весны-лета 1914 г., не являлись проявлением сознательных антивоенно-политических настроений народа. Классовый интернационализм был чужд большинству пролетариата, который, сохраняя враждебное отношение к представителям власти, тем не менее, был готов защищать Россию от внешнего врага, разделяя при этом царя и отечество. Не потерявшие связи со своими деревенскими корнями рабочие выражали настроения, которыми делились солдаты-крестьяне: «А мне что царь: я не царю служу, а за веру и родину. А царь у нас кровосос и только истребляет народ»⁵⁷.

Представители власти понимали всю противоречивость и сложность этого периода. 2 сентября 1914 г. директор Департамента полиции Министерства внутренних дел В.А. Брюн-де-Сент-Ипполит под грифом «совершенно секретно» разослал циркуляр всем начальникам губернских жандармских управлений, в котором, отмечая общественное единение и прекращение «революционных эксцессов» в связи с началом войны, указал на временный характер подобной тенденции и сохранение революционной опасности, исходящей как от различных представителей либеральной интеллигенции, так и от рабочих и сельских масс⁵⁸. Тем не менее, начало войны решило главную задачу: переключило протестную активность с внутреннего политического врага на врага внешнего — Германию и Австро-Венгрию — а также поиск их внутренних агентов в России. В конце концов, два вектора протестной активности слились: в условиях разгоравшегося экономического кризиса и военных поражений российской армии прищел бытовой шпионизм ожидаемо переместился с отдельных этнических немцев, заподозренных в предательстве офицеров и лично военного министра Сухомлинова на представителей императорской фамилии (городские слои шпионкой считали «немку» Александру Федоровну, а менее образованные крестьяне немкой-предательницей называли вдовствующую императрицу Марию Федоровну, бывшую этнической датчанкой). Тем не менее, осенью 1914 г. политические забастовки и столкновения рабочих с полицией прекратились, и, согласно данным Петроградского общества заводчиков и фабрикантов, против 255 забастовок июля 1914 г. в августе прошло всего 9 забастовок, а в сентябре, ноябре, декабре — и вовсе по 1⁵⁹. В этих условиях многие монархисты расценили начало первой мировой войны как последний шанс сохранения самодержавия. Один из лидеров правого движения, председатель Русского монархического союза в 1907—1913 гг. протоиерей И. Восторгов записал: «Если не будет победы, нас ждут ужасы новой революции»⁶⁰. Слова священника, попавшего в сентябре 1918 г. в число первых жертв «красного террора», оказались пророческими.

Помимо смены вектора социального протеста в связи с началом войны другая причина того, что июльские 1914 г. события не перетекли в революционное русло, заключалась в узко-социальном характере беспорядков. Теоретики марксизма-ленинизма ожидали пролетарской революции, однако история ставит под сомнение возможность проведения революции одним единственным классом. Классические российские революции — января 1905 и февраля 1917 г. — демонстрируют необходимость участия в революционных событиях различных слоев населения. Важно, что в марксистской историографии этот тезис присутствует. И Ленин, и последующие историки обращали внимание на то, что летом 1914 г. рабочий протест не был поддержан самым многочисленным классом России — крестьянством. И если в 1930—1940-е гг. Я. Крастьен, А.Б.

Беркевич пытались усмотреть в крестьянском бунте периода мобилизации революционно-сознательный мотив, то в 1960-е гг. А.М. Анфимов подверг эту позицию обоснованной критике⁶¹. Вместе с тем, даже общий подсчет всех типов крестьянских выступлений свидетельствует скорее о спаде протестов накануне мировой войны, о чем говорят статистические данные, собранные С.М. Дубровским, В.Г. Тюкавкиным, Э.М. Шагиным, Г.А. Герасименко⁶². В советской историографии недооценивалась роль в революциях средних городских слоев. В современных исследованиях, напротив, городской обыватель часто предстает в качестве «серого кардинала», того большинства, чьи симпатии, в конечном счете, определяют, на сторону какой политической силы качнется чаша весов⁶³.

Также в тени исследований рабочего и крестьянского движения оказалось российское студенчество, хотя, например, в феврале-марте 1917 г. именно оно, вооружившись, взяло, одновременно с рабочими, в свои руки создание городской милиции. В 1914 г. след студенчества также обнаруживается в социальной активности. 10—11 октября 1914 г. выступления молодежи вылились в первый московский немецкий погром: движение, начавшееся с патриотических манифестаций студентов по поводу отмены отсрочек от призыва в армию, очень скоро объединилось с общегородскими патриотическими демонстрациями и привело к неуправляемому стихийному бунту, вызвавшему у современников, как и в случае с июльскими беспорядками того же года, ассоциации с первой революцией: «Последние дни самое мрачное настроение вследствие ужасных погромов немецких фирм: буквально вся Москва разгромлена, и магазины заколочены досками. Хулиганы буйствовали два дня, и жутко было смотреть на попустительство начальства. Это так живо напомнило погромы 1905 г. и так больно задело за живое»⁶⁴. Следующий немецкий погром пришелся на 24 ноября. В нем также видную роль сыграли студенты, а самый крупный погром 26—29 мая 1915 г. характеризовался, как и отмеченные демонстрации 19 июля 1914 г., сочетанием патриотических лозунгов с антимоноархическими высказываниями. Согласно воспоминаниям генерала Ю.Н. Данилова, в толпе звучали оскорбления в адрес «немки» — императрицы Александры Фёдоровны — от которой требовали ухода в монастырь по примеру ее сестры, вдовы великого князя Сергея Александровича, а также раздавалась брань по отношению к Гришке Распутину⁶⁵.

Стихийные движения опасны своей амбивалентностью: даже начавшись с патриотических лозунгов, они всегда готовы обернуться антиправительственными акциями протеста, в чем проявляется аффективная природа революционного бунта.

Таким образом, мы видим, что формально-количественный анализ протестных выступлений весны-лета 1914 г. позволяет сравнивать их с событиями как января 1905, так и февраля 1917 года. Помимо крупнейшего за 1907—1917 гг. подъема рабочего движения они характеризовались высокой степенью стихийно-аффективных социальных действий, менявших в продолжавшихся в первые недели июля уличных боях привычную городскую повседневность, формировавших психологию толпы, содержащую основу для революционного протеста. Не случайно, что у современников беспорядки кануна мировой войны вызывали ассоциации с первой российской революцией, последующие массовые социальные действия хоть и сменили политический вектор, вобрав в себя патриотическую пропаганду, сохраняли в стихийных формах протеста основу для социального взрыва. Однако разработанная в марксистско-ленинской историографии теория революционной ситуации не позволяла вынести однозначную оценку рассматриваемому периоду как в силу определенной поверхностности ленинских признаков, так и преувеличения роли политической сознательности определенных слоев населения. Вместе с тем, комплексный подход к проблеме, требующий учета объективных и субъективных, организованных и стихийных факторов, а также рассматривающий в качестве активного участника социального действия средние слои населения, позволяет определить июльские события 1914 г. как революционную ситуацию аффективного типа социального действия.

Примечания

1. ЛЕНИН В.И. ПСС. Т. 23. М. 1961, с. 298.
2. Там же, т. 26, с. 218—219.
3. ЧЕРМЕНСКИЙ Е.Д. Россия в период империалистической войны. Вторая революция в России. (1914 — март 1917). М. 1954; ДЯКИН В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914—1917). Л. 1967.

4. АВРЕХ А.Я. Распад третьиюньской системы. М. 1985.
5. ЕГО ЖЕ. О некоторых вопросах революционной ситуации. — Вопросы истории КПСС. 1966, № 5, с. 40.
6. ЛЕНИН В.И. ПСС. Т. 22. М. 1961, с. 258.
7. Там же, т. 26, с. 221.
8. Там же, т. 30, с. 328.
9. Там же, т. 26, с. 221; т. 30, с. 52—53.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 150, оп. 1, д. 669, л. 12, 77.
11. Мировая война в цифрах. М.-Л. 1934, с. 88.
12. ЛЕНИН В.И. ПСС, т. 26. с. 331.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 102, оп. 265, д. 976, л. 99.
14. ФЛЕЕР М.Г. Рабочее движение в России в годы империалистической войны. Л. 1926, с. 6.
15. АВРЕХ А.Я. О некоторых вопросах революционной ситуации, с. 30—44.
16. Четырнадцатая конференция российской коммунистической партии (большевики). Стенографический отчет. М.-Л. 1925, с. 231—232, 234.
17. АВРЕХ А.Я. О некоторых вопросах..., с. 38.
18. Первая мировая война. 1914—1918. Сб. статей. М. 1968; ЛАВРИН В.А. Возникновение революционной ситуации в России в годы Первой мировой войны. М. 1984; Нарастание революционного кризиса в России в годы Первой мировой войны (1914 — февр. 1917 гг.) Межвузовский сборник научных трудов. Л. 1987.
19. ТЮТЮКИН С.В. Война, мир, революция. Идеиная борьба в рабочем движении России 1914—1917 гг. М. 1972, с. 14.
20. ЕГО ЖЕ. Первая мировая война и революционный процесс в России (роль национально-патриотического фактора). В кн.: Первая мировая война. Пролог XX века. М. 1998, с. 241.
21. ЛЕНИН В.И. ПСС, т. 25, с. 450; т. 26, с. 331.
22. ФЛЕЕР М.Г. Ук. соч., с. 6—7.
23. ГРАВЕ Б. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. Июль 1914 — февраль 1917. Пролетариат и буржуазия. М.-Л. 1926, с. 89.
24. ТЮТЮКИН С.В. Война, мир, революция..., с. 18.
25. МЕНИЦКИЙ И. Революционное движение военных годов (1914—1917). Т. 1. М. 1925, с. 63.
26. ЛЕЙБЕРОВ И.П. На штурм самодержавия: Петроградский пролетариат в годы Первой мировой войны и Февральской революции (июль 1914 — март 1917 г.). М. 1979, с. 26.
27. ФЛЕЕР М.Г. Ук. соч., с. 7.
28. КИРЬЯНОВ Ю.И. Были ли антивоенные стачки в России в 1914 году? — Вопросы истории. 1994, № 2. с. 43—52; ЕГО ЖЕ. Социально-политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны (июль 1914 г. — февраль 1917 г.). М. 2005.
29. ТЮТЮКИН С.В. Война, мир, революция..., с. 10, 19; КИРЬЯНОВ Ю.И. Рабочие России и война: новые подходы к анализу проблемы. В кн.: Первая мировая война, с. 438.
30. ТЮТЮКИН С.В. Первая мировая война и революционный процесс в России, с. 240.
31. ЛЕНИН. ПСС, т. 25, с. 379.
32. Там же, с. 372.
33. КИРЬЯНОВ Ю.И. Рабочие России и война..., с. 432—433.
34. Петербургский листок. 4.IV, 2.V.1914.
35. Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. 4—14.VII.1914.
36. ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 975, л. 64.
37. Подсчитано по: Ежемесячный статистический бюллетень по г. Москве. 1914, № 7.
38. ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 975, л. 75об, 80; л. 10, 65.
39. Биржевые ведомости. 11.VII.1914, веч. выпуск.
40. МЕНИЦКИЙ И. Ук. соч., с. 39—40.
41. ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 975, л. 99; д. 976, л. 1.; д. 967, л. 111.
42. БУЛДАКОВ В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М. 1997; ЕГО ЖЕ. Хаос и этнос: Этнические конфликты в России, 1917—1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М. 2011.
43. МУСАЕВ В.И. Преступность в Петрограде в 1917—1921 гг. и борьба с ней. СПб. 2001.
44. ЛЕБОН Г. Психология народов и масс. СПб. 1995; ТАРД Г. Социальная логика. СПб. 1901; СИГЕЛЕ С. Преступная толпа. В кн.: Преступная толпа. М. 1998; МИХАЙЛОВСКИЙ Н.К. Герои и толпа. М. 1999; БЕХТЕРЕВ В.М. Избранные работы по социальной психологии. М. 1994; МОСКОВИЧИ С. Век толп. М. 1998.
45. ГА РФ, ф. 1788, оп. 1, д. 74, л. 5—14об.

46. ЛЕНИН В.И. ПСС, т. 30, с. 314.
47. ВЕБЕР М. К положению буржуазной демократии в России. В кн.: Политическая наука. Россия: опыт революций и современность. М. 1998, с. 5—121.
48. ЛЕНИН В.И. ПСС, т. 30, с. 325.
49. ВЕБЕР М. Основные социологические понятия. В кн.: Западно-европейская социология XIX — начала XX веков. М. 1996, с. 455—491.
50. ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 976, л. 23.
51. Там же, л. 14.
52. Там же, л. 48.
53. Петербургский листок. 23.VII.1914.
54. Московский листок. 9.VIII.1914.
55. ГА РФ, ф.102, оп. 265, д. 976, л. 55.
56. ЗАБУГА Н.А. Протестные выступления рабочих Лысьвенского завода в 1914 г. В кн.: Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. Сб. материалов четвертой региональной молодежной научной конференции. Новосибирск. 2010, с. 136.
57. РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 476, л. 125.
58. ГА РФ, ф. 58, оп. 7, д. 298, л. 75.
59. РГИА, ф. 150, оп. 1, д. 669, л. 93—100.
60. ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 996, л. 1575.
61. КРАСТЫНЬ Я. Революционная борьба крестьян в России в годы империалистической войны (1914—1916 гг.) М. 1932; БЕРКЕВИЧ А.Б. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. В кн.: Исторические записки. 1947, т. 23.; Крестьянское движение в России в годы первой мировой войны. Июль 1914 — февраль 1917 г. Сб. документов. М.-Л. 1965.
62. ДУБРОВСКИЙ С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М. 1975; ГЕРАСИМЕНКО Г.А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики. Саратов. 1985.; ТЮКАВКИН В.Г., ЩАГИН Э.М. Крестьянство России в период трех революций. М. 1987.
63. КАНИЩЕВ В.В. «Мятежный обыватель» (Обобщенный портрет «рядового» участника антисоветских городских восстаний июня 1918 г.). М. 1996; ЕГО ЖЕ. Революционное насилие и городские средние слои. В кн.: Общественно-политическая жизнь российской провинции. Тамбов. 1997; АРХИПОВ И.Л. Общественная психология петроградских обывателей в 1917 году. — Вопросы истории. 1994, № 7; ЯРОВ С.В. Горожанин как политик: Революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. СПб. 1999.
64. ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 997, л. 1616.
65. ДАНИЛОВ Ю.Н. На пути к крушению. М. 2000, с. 130.